

УДК [811.161.1'27+811.581'27] : 316.72:392.86:663.8

Ма Лун

канд. филол. наук, доц. каф. мировых языков

Витебского государственного университета имени П. М. Машерова

Ma LongCandidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of World Languages
of Vitebsk State P. M. Masharov Universitye-mail: ma.mixail@inbox.ru**КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С НОМИНАЦИЯМИ БЕЗАЛКОГОЛЬНЫХ НАПИТКОВ**

Исследуются фразеологизмы русского и китайского языков с номинациями безалкогольных напитков, определяется степень их фразеоактивности, проводится сопоставительный анализ устойчивых выражений с целью выявления национально-культурной специфики в семантике и образности данных единиц. Отличительной чертой русских фразеологизмов являются разнообразные номинации безалкогольных напитков, наличие уменьшительно-ласкательных вариантов наименований, противопоставление «алкогольным» номинациям с выраженной положительной коннотацией в составе одного выражения. Наибольшей фразеоактивностью обладают компоненты «квас» (50 %) и «чай» (42 %). В китайской фразеологии используется единственная номинация 茶 [chá] «чай» (98 %), все остальные включают в себя данную морфему и представлены единично. Фразеологизмы с номинацией «чай» в русском и китайском языке отличаются культурными коннотациями, что обусловлено своеобразием национальных традиций и обычаев, историей, типом мышления и восприятия действительности представителей двух различных лингвокультур.

Ключевые слова: русская фразеология, китайская фразеология, безалкогольные напитки, антропоцентризм, культурная коннотация, национально-культурная специфика.

Cultural Connotations of Russian and Chinese Phraseological units with Soft Drinks Nominations

This article studies the phraseological expressions of Russian and Chinese languages with nominations of soft drinks, the degree of their phraseoactivity is determined, a comparative analysis of stable expressions is carried out in order to identify national-cultural specificity in the semantics and imagery of these units. A distinctive feature of Russian phraseological expressions are various nominations of non-alcoholic drinks, the presence of diminutive and affectionate variants of names, opposition to «alcoholic» nominations with a pronounced positive connotation within one expression. The components «kvass» (50 %) and «tea» (42 %) have the highest phraseoactivity. In Chinese phraseology, the only nomination 茶 [chá] 'tea' (98 %) is used, all others include this morpheme and are represented a single. Phraseological expressions with the nomination tea in Russian and Chinese differ in cultural connotations, which is due to the peculiarity of national traditions and customs, history, type of thinking and perception of reality of the representatives of two different linguocultures.

Key words: Russian phraseology, Chinese phraseology, anthropocentrism, soft drinks, cultural connotation, national-cultural specificity.

Введение

Методология, развиваемая в рамках лингвокультурологии, соотносит национальную маркированность фразеологических единиц (далее – ФЕ) с образной мотивированностью, которая «напрямую связана с мировидением народа – носителя языка» [1, с. 214]. Лингвострановедческий подход, инициированный трудами Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [2; 3], предполагает сосредоточение основного внимания на анализе единиц языка, которые имеют реальные прототипы (идиоэтнические реалии) во внеязыковой действительности. Основной

целью лингвокультурологического анализа ФЕ в этой связи становится «выявление и описание коннотаций, эталонов, стереотипов и других культурных знаков» [1, с. 215].

Национально-культурное своеобразие фразеологизмов русского и китайского языков, принадлежащих к тематическому полю (далее – ТП) «Пища», служит объектом специального изучения в немногочисленных работах. В частности, в статье Ли Гуаньхуа предпринята попытка проанализировать и классифицировать русские ФЕ с компонентом «еда» с лингвокультурологических позиций [4]. В работе Л. В. Борисовой прово-

дится лингвокультурологический и когнитивно-дискурсивный анализ слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих концепт «напитки» в русской языковой картине мира [5]. Придерживаясь точки зрения Ф. Х. Тарасовой, что «пищевой код культуры является одним из базовых, а концептуальная сфера “еда” служит богатым источником метафорической интерпретации различных сфер действительности, средством метафорической характеристики человека и его свойств» [6, с. 32], особое внимание мы уделяем безалкогольным напиткам в русской языковой картине мира.

В ряде работ внимание акцентируется только на одном напитке, являющемся традиционным как для русской, так и для китайской лингвокультуры, – *чае* [7–9].

Недостаточность комплексных работ сопоставительного характера, посвященных изучению с лингвокультурологических и когнитивных позиций русских и китайских ФЕ с номинациями безалкогольных напитков как фрагмента языковой картины мира двух генетически и структурно отдаленных языков, обусловила актуальность нашего исследования. Под *тематическим полем* мы понимаем «совокупность языковых единиц, которые имеют общее содержание и отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [10, с. 380–381]. Данное понятие позволяет классифицировать и объединить по формальным признакам, с одной стороны, номинации, в семантике которых ключевой является «пищевая» сема, с другой – фразеологизмы, которые имеют в своем составе «пищевой» компонент. Основной исследовательской категорией выступает введенный В. Н. Телия базовый для лингвокультурологии термин *культурная коннотация* – «интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения языкового знака в категориях культуры, предполагающая выявление связи образа, лежащего в основе номинативной единицы языка (слова или фразеологизма), со стереотипами, символами, эталонами, мифологемами и другими знаками национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [11, с. 145].

Цель данной статьи – выявить путем сопоставительного анализа национально-культурную специфику в содержании ФЕ,

составляющих группу «безалкогольные напитки», в русской и китайской лингвокультурах.

К задачам исследования относятся:

- 1) описание русских и китайских ФЕ с позиций методологических принципов антропоцентризма;
- 2) установление степени их фразеологической активности;
- 3) выявление национального своеобразия фразеологизмов с культурно-маркированными компонентами.

Методы исследования: сравнительный анализ, описательный метод, метод классификации и систематизации материала; прием культурно-исторической интерпретации; методика семантической интерпретации.

Материалом исследования послужили фразеологизмы (70 русских и 51 китайский) с номинацией (номинациями) безалкогольных напитков, морфологически выраженные именем существительным, полученные путем сплошной выборки из фразеологических, толковых, семантических и лингвистических словарей.

Национально-культурное своеобразие номинаций безалкогольных напитков в русской фразеологии

Анализ русских фразеологизмов ТП «Пища» позволил нам выделить в отдельную группу «безалкогольные напитки», во-первых, 70 устойчивых выражений с номинациями, которые воспринимаются как характерные именно для русской лингвокультуры; во-вторых, напитков, известных многим гастрономическим традициям, однако в пищевой культуре русских получивших особое, отличающееся от других культур преломление, выразившееся в способах приготовления, особенностях употребления и т. д. Это такие номинации, как *квас*, *кислые щи*, *сыта*, *сбитень*, *морс*, *чай*, *кофе*.

ФЕ с компонентом *кисель* (18 единиц), который рядом исследователей рассматривался в составе русского семантического поля концепта «напитки» [12–14], были включены нами в тематическую группу «мучнистые изделия» на основании того, что к напиткам относится лишь ягодно-фруктовый кисель на крахмале, а национальным русским блюдом издревле являлся «мучной кисель, который и в наше время

кулинары причисляют к первым блюдам или кашам» [15, с. 29–30].

Среди устойчивых выражений наибольшей фразеологичностью обладает номинация-компонент *квас (квасок)* – 35 ФЕ (50 % от всех выявленных единиц). Антропоцентрический характер фразеологизмов с данным компонентом выражается в оценке личностных качеств, особенностей характера и поведения человека в ситуациях социального взаимодействия, его эмоциональном и психическом состоянии, например: *Есть и квас, да не про вас; Не чванься (смейся) квас, не лучше нас; С воды пьян живет, с квасу бесится* и др.

Ряд фразеологизмов служит для характеристики:

1) процесса приготовления и особенностей данного напитка: *Квас вор: воду в жбан свел, а сам ушел* (о дурном квасе); *Где квас, там и гуца; Час придет – и квас дойдет; Коли выйдет – будет пиво, а не выйдет – квас; Удастся квас, а не удастся – кислые щи.*

2) бедной крестьянской жизни: *Когда с припасом, а то и с квасом; Часом с квасом, порой с водой; Не все с сахарком – часом и с кваском; Ешь щи с мясом, а нет, так хлеб с квасом; Кроме квасу нет запасу.*

В древнерусской гастрономической культуре квас был ежедневным напитком, его пили и в будние дни, и в праздники, на княжеских пирах и в крестьянских избах, не могли обойтись без него во время летней страды [5, с. 7; 16]. «Испить квасу» могло служить приглашением в гости, например, *Бей отказ, не пойду на квас* (отказ на приглашение в гости), а в благодарность за угощение и гостеприимство на Руси говорили: «*За хлеб за соль, за щи с квасом, за лапшу, за кашу, за милость вашу*».

Следующей номинацией в составе ФЕ этой группы выступает *чай (чаек)* (30 ФЕ – 42 % от всех единиц), обозначающий напиток, который в пищевой традиции русских отличается очевидным своеобразием как в его приготовлении, так и в особенностях употребления. Эти отличия фиксируются многими источниками культурологического, лингвокультурологического и лингвострановедческого характера [17].

К традициям и особенностям русского чаепития относятся:

1) добавление сахара или алкоголя (крепкие настойки, бальзамы) в чай;

2) питье вприкуску со сладостями (медом, вареньем, пряниками), пирогами, калачами.

Они нашли свое отражение во фразеологии: *Чай да сахар!* (прост.; приветствие пьющим чай); *Чай с позолотой* (с ромом); *Пить чаек вприглядку* (шутл. ирон. в значении без добавления сахара, а только глядя на него); *Заставили нашего брата чай без сахара пить; Чай у нас китайский, сахарок хозяйский.*

Особенностью русской лингвокультуры является восприятие чаепития как праздного времяпрепровождения, времени отдыха, противопоставляемого тяжелому труду: *Чаи гонять* (прост.: распивать чай не торопясь, с удовольствием); *Чай пить – не дрова рубить* (говорится в ответ на приглашение выпить чаю); *За чашкой чая* ('в свободное время, на досуге'); *На чашку чая (или на чай)* (приглашать, звать и т. п.) ('в гости, на чаепитие'); *За чаем не скучаем – по семь чашек выпиваем.*

Безалкогольные напитки в русских ФЕ противопоставляются алкогольным, оппозиция «чай – спиртное» происходит на эмоционально-оценочном уровне: *Чай и кофе не по нутру, была б водка поутру; Чай не хмельное, не разберет; С чая лиха не бывает (лиха не живет).*

Особый интерес представляет несколько фразеологизмов, совмещающих в себе две номинации (*чай* и *кофе*), и одно устойчивое выражение с номинацией *кофе*, в которых оставили след старообрядческие обычаи и традиции: *Чай, кофе, картофель, табак прокляты на семи вселенских соборах; Чай проклят на трех соборах, а кофе на семи; Кто пьет чай, тот спасения не чай; Кто пьет чай, отчаявается от бога; кто пьет кофе – налагает ков на Христа; Кто кофе пьет, того бог (гром) убьет.* Старообрядцы относились к чаю наряду с табаком, хмелем, картофелем, чесноком как к растению «нечистому» и «проклятому», посеянному самим сатаной [18, с. 34], что нашло свое отражение во фразеологии.

С компонентом *сыта* (популярный сладкий напиток, представляющий собой разведенный в воде мед) выявлено три ФЕ, в одной из которых дается физическая характеристика человека: *С калача лицо беле-*

ет, а с сыты краснеет. Обычно сладкую сыту подавали к овсяным киселям, что зафиксировано в пословице *Кисель да сыта – бабья еда*. Символическое значение напитка как чего-то простого и легко доступного использовалось для иронической оценки возникшего причудливого и неисполнимого желания: *Захотел птичьего молока. Подой, да чтоб была медвяна сыта*.

С номинациями *сбитень* и *морс* зафиксировано по одной пословице: *Вот сбитень, вот горячий – пьет приказный, пьет подьячий; Не мутясь, и морс не становится*.

Национально-культурное своеобразие номинаций безалкогольных напитков в китайской фразеологии

Из обозначений безалкогольных напитков в китайских фразеологизмах ТП «Пища» (всего 51 ФЕ) в качестве компонентов используется единственная номинация *茶* [chá] ('чай'). В отдельных случаях встречаются номинации, содержащие иероглиф *茶* ('чай'): *茶叶* [chá'yè] ('чай, чайник, чайный лист') – три ФЕ, *面茶* [miànchá] ('чай по-монгольски' (заправленный мукой и маслом)) – одна ФЕ.

По утверждению китайского исследователя чайной культуры Чжоу Сяовэй, чай в Китае – патриарх среди напитков, а чайная церемония является воплощением исконно китайской идеи о тесной взаимосвязи и взаимодействии материального и духовного [19, с. 159]. Важность и ценность чая как продукта ежедневного потребления нашли отражение в устойчивых выражениях: *宁可三日无盐, 不可一日无茶* (букв. *лучше три дня без соли, чем один день без чая*; *当家才知茶米贵, 养儿方知报家恩* (букв. *станешь главой семьи (будешь вести домашнее хозяйство) – узнаешь о цене на чай и рис, родишь ребенка, познаешь любовь семьи*).

Особое развитие чайная культура достигла во времена династии Тан, когда чаепитие проникло в обычную жизнь народа и стало ее нормой, а посещение чайных и распитие чая стало одной из модных тенденций досуга людей [19].

С помощью чая в китайской лингвокультуре создается образная характеристика бедной и богатой жизни: *残茶剩饭* (букв. *остаток чая, объедки пищи*; 'бедная жизнь';

скудная пища'); *残茶剩酒* (букв. *остатки чая и спиртного*; 'бедная жизнь'; скудная пища'); *粗茶淡饭* (букв. *плохо заваренный чай и скудная пища*; 'скромно питаться'; 'неприхотливая еда'; 'простая жизнь'); *柴米油盐酱醋茶* (букв. *семь простых вещей повседневного быта: дрова, рис, масло, соль, соус, уксус, чай*; 'простая жизнь'; 'необходимый минимум'); *浪酒闲茶* (букв. *безудержно (излишне) употреблять вино и расточительно расходовать чай*; 'вести разгульный образ жизни и предаваться излишествам'); *饭来张口, 茶来伸手* (букв. *еда сама приходит в раскрытый рот, чай прилагается*; 'жить на всем готовом; жить легкой жизнью, не прилагая никаких усилий').

Отличительной чертой китайской лингвокультуры по сравнению с русской служит восприятие момента употребления чая как важной и главной составляющей ритуала, церемонии, медитации и самопознания, дружеской беседы и делового общения, решения споров и заключения торговых договоров, т. е. это время, когда люди заняты важными делами: *茶余饭饱* (букв. *после чая и пищи досыта (вдоволь)*; 'в свободное время, на досуге, в часы праздности'); *茶余饭后* (букв. *в остальное время после чая и пищи*; 'в свободное время, на досуге'); *闲茶浪酒* (букв. *быть свободным после чая и спиртного*); *酒余茶后* (букв. *после спиртного и чая*; 'в свободное время, на досуге'); *茶吃后来酺* (букв. *после крепкого чая*; 'в свободное время, на досуге'). В свою очередь, в русской культурной традиции чаепитие воспринимается как время отдыха и праздности: *Чай гонять*; *За чашкой чая* ('в свободное время, на досуге'); *Чай пить – не дрова рубить* и др.

Китайская культура чаепития включала в себя искусство выращивания чая, чайную церемонию и своеобразную философию чаепития, которые сопровождались сочинением и декламированием стихов, музицированием, созерцанием красоты природы [20], что подтверждает фразеологизм *无茶不成仪* (букв. *без чая нет церемонии*).

Китайские фразеологизмы как носители культурной информации аккумулировали в себе традиции и обряды китайского народа: *三茶六礼* (букв. *три сорта чая и шесть ритуальных церемоний* (совершеннолетие, бракосочетание, траур, жертво-

приношение, пиришество с чествованием, визиты)); 一女不吃两家茶 (букв. одна де-вушка не пьет чай в двух домах; одна невеста не принимает чай дважды (не выходит замуж два раза)). Данное устойчивое выражение отражает древний китайский обычай, в соответствии с которым во время обручения мужчина должен был подарить невесте (ее родителям) чай, принятие этого дара означало согласие на брак.

По мере развития китайской культуры чаепития формировался определенный свод правил и требований: как правильно заваривать, наливать, подавать и пить данный напиток. Особое внимание уделяли температуре и качеству воды, которая использовалась для раскрытия вкусовых качеств чайного листа, чайную чашку следовало наполнять лишь на 70 %. Данные национально-культурные особенности зафиксированы во ФЕ: 冷水泡茶 – 没味儿 (букв. сырой (холодной) водой заваривать чай – безвкусный; ‘пресный; неинтересный’; не находить удовольствия в чем-л.); 酒满敬人, 茶满欺人 (букв. наливать спиртное до самого верха – выражать уважение, наливать чай наоборот, чтобы не обидеть).

В китайской фразеологии чай как целебный напиток противопоставляется негативному воздействию на человека спиртного: 茶喝多了养性, 酒喝多了伤身 (букв. чай развивает природные данные, воспитывает характер, спиртное вредит здоровью; пить чай для здоровья полезно, пить спиртное – вредно); 清茶胜酒, 友谊更久 (букв. простой чай лучше спиртного, дружба дольше и крепче). В русской фразеологии алкогольные напитки предпочтительнее чая и кофе, напр.: Чай и кофе не по нутру, была б водка поутру.

Устойчивые выражения содержат и рекомендации о правильном времени и количестве употребления чая: нужно избегать чрезмерности в еде и напитках, не пить чай на ночь и учитывать сезон: 不饮隔夜茶, 不喝过量酒 (букв. не пейте чай на ночь, не пейте без меры алкоголь); 三伏天喝凉茶 – 正是时候 (букв. в максимальную летнюю жару футянь есть жидкую пищу и пить холодный чай – в самый раз; ‘прийтись кстати; в самое время’); 三九天吃热茶 – 有冷有热 (букв. в период сильных холодов

пить горячий чай – в холодном иметь горячее).

Предпочтение чая спиртным напиткам в Китае имело под собой исторические предпосылки. Изначально употребление алкоголя являлось неотъемлемой частью этикета на различных приемах и жертвенных церемониях. Литературное творчество, ученые беседы и философские диспуты также сопровождались возлияниями [21]. С распространением буддизма чай «как важный элемент духовных практик быстро завоевал признание в разных слоях общества, став конкурентом вину» [22, с. 80].

ФЕ с компонентом-номинацией чай в китайской фразеологии характеризуются ярко выраженным антропоцентризмом и указывают на психологическое и эмоциональное состояние, умственную деятельность, личностные качества и черты характера человека, затрагивая также сферу межличностных отношений, социальное взаимодействие между людьми. Например, 茶饭无心 (букв. нет желания пить чай и есть пищу; ‘отсутствие настроения, состоянии тоски’); 茶里放盐 – 惹人嫌 (咸) (букв. солить чай – быть недовольным, испытывать отвращение (слова 咸 [xián] (‘солёный, засолённый’) и 嫌 [xián] (‘быть недовольным’) по-китайски произносятся одинаково, т. е. являются омофонами; на основе омофонии слово ‘солёный’ приобретает в контексте значение ‘быть недовольным, испытывать отвращение’); 皮球掉进面茶里 – 说他混蛋, 他还一肚子气 (букв. мяч упал в чай по-монгольски – говорить [мячу] «болван (дурак)», мяч сердится, что ему так сказали; ‘сильно гневаться, сердиться’); 人走茶凉 (букв. человек ушел, чай остыл; ‘ушедшего быстро забывают’); 拿着黄连当茶喝 – 自讨苦吃 (букв. пить коптис китайский как чай – пострадать по своей же вине, ‘самому напроситься на неприятности’); 二分钱的茶叶 – 冲不起来 (букв. чай (чайный лист) на два фэнь (0,01 юаня), т. е. мизерное количество – невозможно заварить; ‘не в состоянии что-л. сделать’); 开水锅里丢茶叶 – 下茶 (茬) (букв. в кипяток кинуть чай (чайный лист) – опустить вниз (бросить) чай; ‘создавать неприятности, провоцировать ссоры, идти на конфликт’) (выражения 下茶 [xià chá] (‘опустить чай’) и 下茬 [xià chá] (‘делать

неприятности') по-китайски произносятся одинаково, т. е. являются омофонами; на основе омофонии выражение 'опустить чай' приобретает в контексте значение 'создавать неприятности').

Заключение

Можно сделать вывод, что характерными особенностями ФЕ с номинациями безалкогольных напитков в русском языке является:

1) разнообразие номинаций: *квас, сыта, кислые щи, чай, кофе, сбитень, морс;*

2) наибольшей фразеоактивностью обладает номинация *квас*, что свидетельствует о значимости данного напитка в гастрономическом коде русской культуры;

3) в номинации *квас* и образном значении русских фразеологизмов, создаваемых с помощью данного компонента, содержится несколько аспектов: исторический, бытовой, производственный, традиционный; с лингвокультурологических позиций коннотации русского кваса близки китайскому чаю, что находит подтверждение в следующем:

а) оба напитка являются исконно национальными и повседневными;

б) имеют богатую историю и широкую культуру потребления;

в) служат символом гостеприимства;

г) фразеологизмы с компонентами *квас* и *чай* обладают ярко выраженным антропоцентризмом;

4) использование нескольких компонентов-номинаций в составе одного устойчивого выражения: *Кому чай да кофе, а нам чад да копоть;*

5) противопоставление безалкогольных номинаций алкогольным с выраженной положительной коннотацией: *Удача – брага, неудача – квас;*

6) наличие уменьшительно-ласкательных форм номинаций: *квасок; чаек.*

Характерными национально-культурными особенностями китайских ФЕ тематической группы «безалкогольные напитки» являются:

1) наличие всего одной номинации в составе – 茶 [chá] ('чай');

2) превалирование почти в два раза над русскими устойчивыми выражениями с этой номинацией (51 и 30 соответственно),

что свидетельствует о более богатой истории и культуре чайного напитка в Китае;

3) использование одновременно двух компонентов 酒 [jiǔ] *спиртное* и 茶 [chá] *чай*, свидетельствующих о важности данных напитков для китайской культуры; в некоторых случаях они дополняют друг друга: 浪酒闲茶 (букв. *безудержно (излишне) употреблять вино и расточительно расходовать чай*; 'вести разгульный образ жизни и предаваться излишествам'); в иных моментах они противопоставляются: 茶喝多了养性, 酒喝多了伤身 (букв. *пить чай для здоровья полезно, а пить спиртное (водку) – вредно*).

Своеобразие оппозиции «чай – спиртное» в китайской фразеологии связано с правилами чайной церемонии и культурой винопития (алкогольным этикетом), полезным/вредным влиянием данных напитков на здоровье человека и воздействием на межличностное общение, обусловленными китайской традиционной культурой и конфуцианством, в основе которых лежат мировоззренческие понятия «этикет», «благопристойность», «учтивость».

В самой номинации 茶 [chá] *чай* и образном значении китайских ФЕ, создаваемых с помощью данного компонента, выделяется несколько содержательных аспектов: исторический, бытовой, медицинский, ритуальный, философский, духовный, эстетический, а в русской фразеологии – исторический, бытовой и традиционный.

В китайской лингвокультуре чай является не только напитком с многотысячной историей, но и символом красоты и чистоты, знаком уважения, ценным подарком, лекарством для души и тела, средством самопознания, источником вдохновения в искусстве.

В китайских устойчивых выражениях главный акцент делается на церемонии и искусстве чаепития, а в русских основное внимание уделяется пиршеским традициям – чайным застольям и посиделкам. Культурные коннотации фразеологизмов играют важную роль в интерпретации национально-культурной картины мира русского и китайского народов, передавая их культурные установки, стереотипы, эталоны и архетипы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
2. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
4. Ли, Гуаньхуа. Опыт лингвокультурологического и семантического описания русской фразеологической картины мира (на примере единиц с компонентом «еда») / Гуаньхуа Ли // Учен. зап. Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – 2011. – Т. 24, № 1, ч. I. – С. 46–53.
5. Борисова, Л. В. Концепт «напитки» в кулинарном коде культуры / Л. В. Борисова // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. – 2013. – № 4. – С. 2–12.
6. Тарасова, Ф. Х. Паремии с компонентом «пища» в татарском, русском и английском языках: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты : монография / Ф. Х. Тарасова. – Казань : Школа, 2012. – 178 с.
7. Цзоу, Сюецян. Лингвокультурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Сюецян Цзоу ; Рос. гос. пед. ун-т. – СПб., 2007. – 22 с.
8. Василенко, А. П. Культурологический комментарий компонента ЧАЙ (thé, tea, 茶) во фразеологизмах русского, французского, английского и китайского языков / А. П. Василенко, В. С. Рыбакина // Филол. аспект. – 2022. – № 4 (84). – С. 56–60.
9. Иванникова, А. Г. Концепт «чай» в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков) / А. Г. Иванникова, А. А. Казарян, У. В. Хоречко // Молодой ученый. – 2014. – № 20 (79). – С. 698–701.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Совет. Энцикл., 1990. – 685 с.
11. Телия, В. Н. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак / В. Н. Телия, Е. О. Опарина // Вестн. культурологии. – 2011. – № 1. – С. 145–148.
12. Комова Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры : курс лекций. – М. : МАКС Пресс, 2003. – 119 с.
13. Судаков, Г. В. Система названий напитков в старорусском языке / Г. В. Судаков // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2012. – № 2-1 (38). – С. 116–120.
14. Козько, Н. А. Анализ концепта «напитки» на материале лексикографических источников / Н. А. Козько // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3 (45). – С. 201–203.
15. Лутовинова, И. С. Слово о пище русской / И. С. Лутовинова. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2005. – 285 с.
16. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2004. – 991 с.
17. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 739 с.
18. Пигин, А. В. Сочинения о чае и самоваре в старообрядческой письменности XVIII–XX вв. / А. В. Пигин // Живая старина. – 2014. – № 4 (84). – С. 34–37.
19. Чжоу, Сяовэй. Исследования чайной культуры в Древнем Китае / Сяовэй Чжоу // Гуманитар. вектор. – 2017. – № 12 (3). – С. 157–161.
20. Ван, Лин. Китайское искусство чаепития : пер. с англ. / Лин Ван. – М. : Центрполиграф, 2003. – 239 с.
21. Хо, О. А. Культура вина в Китае : монография / О. А. Хо. – М. : ВКН, 2020. – 189 с.
22. Войтишек, Е. Э. Интеллектуальные развращения в традиционных восточных искусствах: новый взгляд на чайную церемонию / Е. Э. Войтишек // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – 2009. – № 5. С. 316–322.

REFERENCES

1. Telija, V. N. Russkaja frazieologija: siemantichieskij, paradigmatichieskij i lingvokul'turologichieskij aspiekty / V. N. Telija. – M., 1996. – 288 s.
2. Vierieschchagin, Ye. M. Lingvostranoviedchieskaja tieorija slova / Ye. M. Vierieschchagin, V. G. Kostomarov. – M. : Rus. jaz., 1980. – 320 s.
3. Vierieschchagin, Ye. M. Jazyk i kul'tura: lingvostranoviedienije v priepodavanii russkogo jazy-ka kak inostrannogo / Ye. M. Vierieschchagin, V. G. Kostomarov. – M. : Rus. jaz., 1990. – 246 s.
4. Li, Guan'khua. Opyt lingvokul'turologichieskogo i siemantichieskogo opisanija russkoj frazieologichieskoj kartiny mira (na primierie jedinic s komponentom «jeda») / Guan'khua Li // Uchion. zap. Tavr. nac. un-ta im. V. I. Viernadskogo. – 2011. – T. 24, № 1, ch. I. – S. 46–53.
5. Borisova, L. V. Koncept «napitki» v kulinarom kodie kul'tury / L. V. Borisova // Viestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Sier.: Rus. filologija. – 2013. – № 4. – S. 2–12.
6. Tarasova, F. Kh. Paremii s komponentom «pishcha» v tatarskom, russkom i anglijskom jazykakh: lingvokul'turologichieskij i kognitivno-pragmatichieskij aspiekty: monografija / F. Kh. Tara-sova. – Kazan' : Skkola, 2012. – 178 s.
7. Czou, Syuecian. Lingvokul'turnaja spiecifika koncepta «chaj» i jejo uchiot v obuchienii rus-skomu jazyku kitajskikh studentov : avtorief. dis. ... kand. pied. nauk : 13.00.02 / Syuecian Czou ; Ros. gos. pied. un-t. – SPb., 2007. – 22 s.
8. Vasilienko, A. P. Kul'turologichieskij kommentarij komponenta CHAJ (thé, tea, 茶) vo fra-zieologizmax russkogo, francuzskogo, anglijskogo i kitajskogo jazykov / A. P. Vasilienko, V. S. Ryba-kina // Filol. aspekt. – 2022. – № 4 (84). – S. 56–60.
9. Ivannikova, A. G. Koncept «chaj» v jazykovej kartinie mira (na materialie kitajskogo i rus-skogo jazykov) / A. G. Ivannikova, A. A. Kazarian, U. V. Khoriechko // Molodoj uchionyj. – 2014. – № 20 (79). – S. 698–701.
10. Lingvistichieskij enciklopedichieskij slovar' / gl. ried. V. N. Jarceva. – M. : Soviet. Encikl., 1990. – 685 s.
11. Telija, V. N. Kul'turnaja konnotacija kak sposob voploshchienija kul'tury v jazykovej znak / V. N. Telija, Ye. O. Oparina // Viestn. kul'turologii. – 2011. – № 1. – S. 145–148.
12. Komova, T. A. Koncepty jazyka v kontiektie istorii i kul'tury : kurs liekcij. – M. : MAKSS Press, 2003. – 119 s.
13. Sudakov, G. V. Sistiema nazvanij napitkov v staroruskom jazykie / G. V. Sudakov // Viestn. Chierieповіє. gos. un-ta. – 2012. – № 2-1 (38). – S. 116–120.
14. Koz'ko, N. A. Analiz koncepta «napitki» na materialie lieksikografichieskikh istochnikov / N. A. Koz'ko // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2014. – № 3 (45). – S. 201–203.
15. Lutovinova, I. S. Slovo o pishchie russkoj / I. S. Lutovinova. – SPb. : Avalon : Azbuka-klassika, 2005. – 285 s.
16. Stiepanov, Yu. S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury / Yu. S. Stiepanov. – M. : Akadiem. projekt, 2004. – 991 s.
17. Rossija. Bol'shoj lingvostranoviedchieskij slovar' / pod obshch. ried. Yu. Ye. Prokhorova. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2009. – 739 s.
18. Pigin, A. V. Sochinienija o chaje i samovarie v staroobriadchieskoj pis'miennosti XVIII–XX vv. / A. V. Pigin // Zhivaja starina. – 2014. – № 4 (84). – S. 34–37.
19. Chzhou, Siaovej. Issliedovanija chajnoj kul'tury v Drievniem Kitaie / Siaovej Chzhou // Gumanitar. viektor. – 2017. – № 12 (3). – S. 157–161.
20. Van, Lin. Kitajskoje iskusstvo chajepitija : pier. s angl. / Lin Van. – M. : Centrpoligraf, 2003. – 239 s.
21. Kho, O. A. Kul'tura vina v Kitaje : monografija / O. A. Kho. – M. : VKN, 2020. – 189 s.
22. Vojtishek, Ye. Ye. Intielliektual'nyje razvliechenija v tradicionnykh vostochnykh iskusst-vakh: novyj vzgliad na chajnuju ceriemoniju / Ye. Ye. Vojtishek // Viestn. Novosib. gos. un-ta. Sier.: Istorija. Filologija. – 2009. – № 5. – S. 316–322.